

кова. Жолковский сказал, что он с интересом изучает публикации представителей этой школы, однако полностью согласиться с ними не может, потому что их предположения, в сущности, не подтверждаются ничем, кроме энтузиазма самих авторов.

Вера Мильчина

**Международный семинар
«Перестройка: в поисках новой лексики
для трансформации Центральной
и Восточной Европы и Евразии»**

(Академия наук Чехии, 14–15 марта 2024 года)

DOI: 10.53953/08696365_2025_191_1_417

14–15 марта 2024 года в Академии наук Чехии (Прага) прошел семинар «Перестройка: в поисках новой лексики для трансформации Центральной и Восточной Европы и Евразии» — первое из серии мероприятий, запланированных в рамках исследовательского проекта «Перестройка снизу» под руководством *Юлианы Фюрст* (Центр современной истории имени Лейбница, Потсдам, Германия). Как следует из названия, проект призван опрокинуть традиционное москвоцентрическое понимание перестройки как спущенной сверху политики Горбачева с узким фокусом на политических и культурных элитах и институциональной динамике и исследовать других, менее изученных и часто игнорируемых акторов и темы: общественные, низовые процессы, инициативы, культурную и интеллектуальную рефлексию, эмоции, идеи и дебаты, сформировавшие опыт(ы) перестройки. Участники проекта считают важным расширять хронологию и географию перестройки и рассматривать ее как более длительный период, начавшийся до 1986 года, продолжавшийся вплоть до 1990-х годов и, возможно, даже после них, и, конечно, не ограничивавшийся одним СССР. Перестройка проявилась по всей Центральной и Восточной Европе и Евразии, пусть и под другими названиями, среди которых «перемены», «трансформация», «переход (к демократии, к рынку и т.п.), «реформы». Заметим в скобках, что критическое исследование научного языка и используемых терминов — один из важных аспектов как проекта в целом, так и первого семинара, прошедшего в Праге.

Уже на начальном этапе работы проект установил продуктивное интеллектуальное партнерство с исследователями перестройки из Института современной истории Академии наук Чехии (Прага) и Джорджтаунского университета (Вашингтон, США). Пражский семинар, организованный совместно тремя институтами, стал первым, но не последним результатом этого сотрудничества: за ним последуют семинары в Джорджтаунском университете и в Центре современной истории имени Лейбница (Потсдам).

Программа двухдневного семинара передавала стремление децентрализовать и расширить разговор о перестройке, включив в него более широкий круг действующих лиц и региональных кейсов, а также исследовать опыт перестройки, отразившийся в различных сферах культурной, интеллектуальной, активистской и

экономической деятельности. На вступительной панели «Перестройка как событие местного и профессионального сообщества» было представлено три таких кейса: независимые сообщества фотографов из Рязани и Нижнего Новгорода, активисты исторического движения в Ленинграде и активисты памяти о голодоморе в Украине. Помимо интереса к различным проявлениям низового активизма, все три докладчицы говорили об эмоциях и памяти — важнейших темах рассматриваемого периода.

Представляя свой доклад *«Децентрализация перестройки: локальные российские фотографические сообщества, альтернативный социализм и непрервная память»*, Виктория Мусвик (Оксфордский университет, Великобритания) призналась, что изначальным импульсом, подтолкнувшим ее к работе над этой темой, стало недоумение: куда и почему из памяти современного российского общества исчезли все те мощные коллективные эмоции, которые всколыхнула перестройка, особенно позитивные: надежда, ощущение собственной исторической субъектности и совместности в ней, солидарность? почему и как перестройка в целом и независимое фотографическое движение в частности (которое зародилось по меньшей мере десятью годами ранее, но по-настоящему расцвело в конце 1980-х, запечатлев заботы, тревоги и чувства эпохи) в конечном итоге оказались стерты этой частичной амнезией, провалились в своеобразную «кроличью нору», в которой сложные структуры опыта оказались уплощены, эмоции были выхолощены, а рефлексия — заблокирована?

Хотя на первый взгляд легко списать эту амнезию на постсоветскую травму 1990-х годов и последующую путинскую политику памяти, по мнению Мусвик, блокировка памяти стала результатом вытеснения российских локальных, нестоличных участников перестройки из основного исторического нарратива и столичной политики.

С середины 1970-х годов независимые, любительские и подпольные местные фотографы, которых изучает докладчица, экспериментировали с новыми темами и техниками, входили в новые, ранее закрытые для постороннего взгляда непарадные, маргинальные пространства: тюрьмы, дома престарелых и детские дома. Локальные сети и сообщества фотографов Рязани и Нижнего Новгорода, про которые рассказывала Мусвик (и шире, Казани, Йошкар-Олы, Чебоксар, Уфы и других городов, про которые она пишет), нередко играли более важную роль в параллельной публичной сфере и зачастую им в отличие от централизованных кластеров так называемых неформалов в Москве или Ленинграде удавалось сохранять приверженность демократическим ценностям и после 1991 года. Еще до перестройки участники этих объединений занимались широким спектром проблем, от защиты окружающей среды и сохранения исторической памяти до основания нонконформистских художественных проектов, а после 1985 года участвовали в создании свободной прессы и основании правозащитной организации «Мемориал»¹, делали фестивали женской фотографии и даже участвовали в работе местных органов власти. Важно отметить, что эти локальные, нецентрализованные мини-модели гражданского общества также представляли собой альтернативную центру и конкурирующую с ним версию более эгалитарного и демократического политического активизма, опиравшуюся на эмансипационный потенциал «альтернативного социализма» и дискурсы социальной справедливости и гуманизма времен оттепели (впоследствии вытесненные на политическую обочину). Для самих региональных фотографических коллективов эти эмансипационные, эгалитарные, децентрали-

1 Включен Министром РФ в реестр иностранных агентов, ликвидирован Верховным судом России.

зующие импульсы и обещания перестройки не оправдались, а сами они вскоре были маргинализированы и забыты, уступив место московским или ленинградским акторам. Эта маргинализация альтернативного освободительного демократического социализма, пришедшего из провинции, считает Мусвик, помогает объяснить как блокирование памяти об оптимистическом, инициативном духе перестройки, так и окончательный провал самой перестройки для столичных элит России.

В своем докладе *«Низовые группы и двусмысленности перестройки в Ленинграде»* Маргарита Павлова (Гисенский университет имени Юстуса Либиха / Центр современной истории имени Лейбница, Потсдам, Германия) исследовала траектории деятельности низовых активистских групп в Ленинграде, занимавшихся сохранением исторического наследия и защитой окружающей среды, в частности Группы спасения памятников истории и культуры Ленинграда (1986). Павлова усложняет расхожее восприятие перестройки как времени расширения возможностей и свобод и уделяет отдельное внимание различным ограничительным и запретительным практикам, которые разнообразные советские ведомства использовали для сдерживания, контроля или подрыва низового активизма, одновременно всячески поощряемого системой на декларативном уровне.

Ленинградское социокультурное движение опиралось на наследие доперестроечной андеграундной среды, оформленвшейся к 1981 году в полуофициальное литературное объединение «Клуб-81» (куратором которого было Пятое главное управление КГБ Ленинграда) и легендарное кафе «Сайгон». На этих площадках различные группы могли учиться друг у друга, перенимая новые тактики и стратегии у предыдущих поколений ленинградских диссидентов, обмениваться идеями и создавать независимые сообщества. В конце 1986 года по инициативе комсомола был создан Ленинградский центр творческой инициативы как воплощение курса перестройки на расширение участия молодежи в общественной жизни — хотя и под жестким контролем комсомола и КГБ. Лидеры ленинградских низовых групп постоянно подчеркивали, что они не бросают вызов главенствующей идеологии или существующей однопартийной системе и что их заботят проблемы скорее культурного, чем политического характера. В течение 1987 года, по мере того как деятельность низовых движений расширялась, принимая форму уличных фестивалей, демонстраций и выступлений, ленинградские власти приняли ряд специальных мер, направленных на ограничение публичных собраний, которые впоследствии распространились и на другие советские города. В середине июня 1987 года центральным партийным аппаратом было принято постановление «О негативных проявлениях в деятельности некоторых неформальных общественных объединений», которое быстро взяли на вооружение партийные комитеты, комсомол и КГБ. Постановление предусматривало различные степени давления и «работы» с низовыми группами в зависимости от степени их лояльности режиму. Помимо законодательных ограничений на проведение общественных собраний, власти боролись с ленинградскими активистами при помощи дискредитирующей пропаганды, инфильтрировали их структуры через своих агентов и создавали свои, подконтрольные организации, подрывавшие работу влиятельных низовых движений.

Каролина Козюра (Европейский университетский институт, Флоренция, Италия) изучает становление коллективной памяти о голодоморе в Украине, восходящее к середине 1980-х годов. В основу исследования легли ее интервью с местными активистами памяти, этнографические наблюдения за различными мемориальными объектами в Центральной Украине и всесторонний анализ советской прессы, которая документировала ранние мемориальные практики и инициативы, публиковала воспоминания выживших и многое другое. Мемориальные проекты стали

точками сборки для местных сообществ, объединенных общими чувствами утраты и горя, а также этически обусловленным стремлением восстановить историческую справедливость.

Доклад Козюры «*Открывая голодомор: возникновение низовой памяти о голоде в Украине в период перестройки*» — часть книги, над которой она сейчас работает. В ней она прослеживает транснациональное производство знаний о голодоморе с 1930-х годов до наших дней. Перестройка стала решающим моментом для понимания центрального значения голодомора в матрице политики памяти в Украине. Акцент на местных сообществах и отдельных активистах как агентах производства памяти и знания о Великом голоде, а не просто пассивных реципиентов импортированных исторических нарративов подрывает распространенное представление о памяти о голодоморе как о некой искусственной конструкции, якобы завезенной из диаспоры и навязанной украинскому обществу сверху. Именно местные сообщества и мемориальные мероприятия, которые они помогли организовать, утверждает Козюра, изменили сложившийся исторический нарратив, ознаменовав собой окончательную демократизацию общественных дебатов об этом тяжелом прошлом и способствуя установлению исторической справедливости.

Вторая панель была посвящена перестройке как выражению художественного нонконформизма. Культура стала одной из ключевых площадок, на которой граждане позднесоветского общества осмысливали прошлое и происходящие с ними и вокруг перемены, экспериментировали с различными формами самовыражения и активизма, усваивали и транслировали иностранные идеи, моды и влияния, сообщали о себе миру и многое другое. Рок-музыка, например, переживала невероятный всплеск популярности (чему способствовало телевидение) по всей Центральной и Восточной Европе и Евразии и стала выразителем самых главных надежд и тревог слушателей: жажды перемен, политических свобод, большей самостоятельности и открытости, искренности и мира. Благодаря рок-музыке музыканты и их поклонники из стран Восточного и Западного блоков смогли испытать новое чувство единения и солидарности, несмотря на идеологические противоречия и физические границы, разделявшие их. В докладе «*Черное торжество в красной Праге: концерт Depeche Mode в марте 1988 года*» Онджея Даниэль (Карлов университет, Прага, Чехия) рассказал о концерте, который стал своего рода символической вехой в разрушении культурной изоляции социалистической Чехословакии, ощущавшейся в этой стране острее, чем в соседних Венгрии или Польше. В то время как любители музыки радовались приезду знаменитой западной группы, для чехословацкого режима, напротив, разрешение концерта британцев преследовало гораздо более pragматичную цель: с его помощью Коммунистическая партия Чехословакии стремилась наладить отношения хотя бы с некоторой частью разочарованной молодежи, тем более что внимание Depeche Mode к социально-политическим и экологическим проблемам и критика западного капитализма (за что она получила прозвище «красные рокеры») делали их музыку и тексты приемлемыми для властей с идеологической точки зрения.

Помимо рок-музыки, важнейшим каналом перестроечной социально-политической критики было нонконформистское искусство. В своем докладе «*Универсальный (не-/анти-)советский лексикон: между деконструкцией и аффирмацией*» Илья Калинин (Берлинский университет Гумбольдта, Германия) предложил анализ критического языка перестройки как деконструкцию официального советского дискурса, а в качестве иллюстраций обратился к нонконформистскому искусству 1980-х годов, в частности работам Виталия Комара и Александра Меламида, Эрика Булатова и Гриши Брускина. Калинин показал, как характерный для позднесоветской эпохи специфический тип критики советского, уходящий кор-

нями в стилистические и идеологические приемы советского поп-арта, концептуализма и бытовой поэтики стеба, не только не сделал советское бессодержательным и стерильным, но, напротив, способствовал его последующей реабилитации и воспроизведству (хрестоматийным примером такой реабилитации и сентиментализации советского, в частности, стал телепроект Леонида Парфенова 1995 года «Старые песни о главном»).

Здесь нельзя не вспомнить рассуждение Юрчака о стебе, или «иронии вненаходимости», — да и вряд ли любая дискуссия о позднесоветском периоде может обойтись без отсылок к работе Юрчака. Он определяет стеб как «ироничный жанр, который отличается от более знакомых жанров — насмешки, сарказма, издевки, юмора, абсурда — тем, что в его основе лежит отношение *сверхидентификации* говорящего с субъектом, на который эта ирония направлена. В результате подчас невозможно с уверенностью сказать, имеете ли вы дело с искренней поддержкой объекта, тонкой насмешкой над ним или странным сочетанием одного и другого»².

В отличие от Калинина, Юрчак настаивает на разграничении эстетики стеба и иронии соц-арта. Работы Булатова, Брускина, Пригова и т.д., которыми Калинин иллюстрировал свой тезис, высмеивают советские лозунги и советские социалистические визуальные клише, деконтекстуализируя их и смешивая с образами из популярной/потребительской культуры. Эстетика стеба, что важно, отвергала идею прямого участия, преданности или критики чего бы то ни было и вообще избегала политических и социальных проблем как «неинтересных» (вспомнить хотя бы знаменитый лозунг Митьков «Митьки никого не хотят победить»). Невовлеченность в конституирующие идеологические смыслы советской жизни сочетается (по крайней мере, у Митьков, на примере которых Юрчак анализирует «иронию вненаходимости» позднего социализма) с «абсолютным, добродушным, слегка гротескным принятием *формы советской жизни*»³. Эта сознательно культивируемая амбивалентность, отказ от идентификации с политической позицией (что само по себе, конечно, является принципиально политическим жестом) и неспособность артикулировать политическое, уходящие корнями в 1970-е и 1980-е годы, в конечном итоге породили в постсоветский период удобный циничный конформизм, своего рода популистский постмодернизм, который оказался беспомощным против (а может, даже способствовал ему) возвращения советского как в эстетическом, так и в политическом изводах.

Доклад Катерины Еремеевой (Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана, Германия) «Без слов: речевой акт в перестроенных карикатурах» был построен на богатом визуальном материале всесоюзного сатирического журнала «Крокодил» и его украинского аналога «Перец». Докладчица рассказала о том, как старые советские практики говорения и новые практики гласности изображались, высмеивались и ниспровергались в перестроенных карикатурах. По мнению Еремеевой, сложные социально-экономические, культурные и дискурсивные изменения, вызванные горбачевской политикой гласности, не успевали за происходящими на местах преобразованиями. Образовавшиеся «дискурсивные лакуны», несоответствие между лозунгами и действиями, позволили советским карикатуристам проблематизировать перформативность этих ритуальных речевых практик, не производивших ни новых смыслов, ни материального благополучия. Типичный образ из карикатур того времени — рог изобилия, который выплевывает не плоды (то есть не еду, особенно вожделенную в период острого дефицита продовольст-

2 Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение.

М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 489.

3 Там же. С. 486.

вия), а бесконечные пустые слова. Эти слова часто изображались в виде мыльных пузырей, красочных, но эфемерных, или воздушных шаров, на которых парили — или держались на плаву как на буйках — риторически одаренные чиновники. Ораторы в официальных костюмах представляли в виде рыб, которым в силу их официального положения разрешено открывать рот, но они не могут издать ни звука. Новые лозунги, такие как «Да здравствует...!», «Долой!», ироничное «Слава богу!» превратились в пустые, излишне эмоциональные клише, мало чем отличающиеся от классического «Слава КПСС!» и им подобных советских «заклинаний». Используя концепцию Сальваторе Аттардо о семиотических аффордансах (semiotic affordances)⁴, — Аттардо предполагает, что различные модальности суждения подразумевают различные потенциалы для создания смысла, — Еремеева проанализировала перестроечные карикатуры, чтобы проследить дискурсивные изменения в них на протяжении позднего советского периода и исследовать различные социальные явления, процессы и эмоции, запечатленные художниками, работавшими в этом жанре: нехватку продовольствия, социальную напряженность, возникновение плюрализма, реальный и воображаемый Запад, разочарование, нетерпение, надежду, фрустрации и многое другое.

Третья панель, «Перестройка как этическая дискуссия», была посвящена появлению в общественном сознании новых этических регистров, которое сопровождало внедрение некоторых рыночных элементов в социалистическую командную экономику. Как известно, социалистический ethos прославлял личную скромность, аскетизм и коллективизм, высмеивал мещанский «вещизм» и требовал от каждого гражданина ставить общественные/коллективные интересы выше своих эгоистических частных забот. Экономические преобразования конца 1980-х годов начали расшатывать эти, казалось бы, стабильные моральные координаты. Предприниматели, которых на протяжении большей части советской эпохи ругали, высмеивали и преследовали («деляги!», «фарцовщики!»), теперь смогли выйти из тени, или, точнее, из неформальной, теневой экономики и оказались в самом центре внимания. Теперь их хвалили, пусть и робко, за предпримчивость, адаптивность, гибкость мышления, на них возлагали надежды как на силу, способную решить огромные экономические проблемы страны и ликвидировать многочисленные дефициты.

Новые экономические и социальные реалии заставили как партийных идеологов, так и общество в целом пересмотреть свою систему ценностей. Ревизии подверглись многие догмы: от понимания социальной справедливости и примата общественных интересов над частными до категорий «честный/достойный труд», «заработанный/заслуженный доход», «справедливая оплата труда», «неравенство» и т.д. На индивидуальном уровне, как показали некоторые доклады, перестройка поставила граждан социалистических и постсоциалистических стран перед необходимостью переосмыслить значение понятия «успех» и обсудить, являются ли конкретные стратегии его достижения морально оправданными и социально приемлемыми.

Эти процессы развивались совершенно по-разному в СССР и в тех социалистических странах, которые сохранили некоторые элементы рынка (мелкая частная собственность, малые предприятия) и прожили в условиях плановой экономики гораздо меньше лет, чем Советский Союз. Например, Венгрия уже в начале 1980-х годов провела масштабные экономические реформы, легализовав так называемую вторую экономику, то есть индивидуальную экономическую деятельность вне го-

4 Attardo S. The Role of Affordances at the Semantics/Pragmatics Boundary // Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society. 2005. Vol. 27. P. 169—174.

сударственного сектора. *Аннина Гагыева* (Институт истории Академии наук Чехии, Прага) в своей работе «*От риска к рискованному: вторая экономика Венгрии и ее переход к рынку после 1989 года*» проследила судьбу одной будапештской предпринимательницы, державшей небольшой цветочный магазин. Хотя эта женщина начала свой бизнес задолго до перемен и даже добилась некоторого, хотя и скромного, успеха, практически ничего в ее прежнем опыте не подготовило ее и ее бизнес к сложному переходу от государственной социалистической командной экономики к рыночной, что в конечном итоге привело к закрытию магазина.

В докладе «*«Если победят кооперативы, выиграем мы все!» Дискуссии о частном предпринимательстве и социальной справедливости в Советском Союзе в период перестройки*» *Анна Иванова* (Берлинский университет Гумбольдта, Германия) проанализировала различные реакции на введение кооперативов в 1988 году. Хотя первоначальной целью этой меры было удовлетворение потребительских нужд там, где плановая экономика неправлялась с этой задачей, стимулирование экономической конкурентоспособности и повышение эффективности производства⁵, вскоре стало ясно, что лишь незначительная часть кооперативов производила товары и услуги для конечных потребителей. Большинство было занято тем, что выкачивало как можно больше безналичных средств и переводило (то есть фактически расхищало) ресурсы фабрик и заводов в частные фирмы, обычно принадлежавшие директорам тех самых предприятий.

Критики кооперативов, выступавшие за введение дополнительных ограничений для них, подчеркивали, что новые советские частные предприниматели обогащаются за общественный счет, и обвиняли реформаторов в поощрении материального неравенства и корыстной наживы. Их, в свою очередь, клеймили как ретроградов, выступающих против прогресса и за «уравниловку». В целом новая экономическая и социальная реальность подтолкнула советских людей к формированию собственных взглядов на нерегулируемые свободные цены, возможность неограниченной прибыли, соотношение между количеством вложенного труда и получаемым доходом, а некоторых даже заставила больше доверять социалистическим идеям в условиях растущего неравенства и социальной несправедливости.

Матей Иванчик (Университет Коменского, Братислава, Словакия) исследовал связь между демократическими преобразованиями в постсоциалистической Словакии и этическим дискурсом, выросшим из экономической мысли того времени. В своей работе под названием «*Рынки во имя морали. Экономическая мысль и демократия в постсоциалистической Словакии*» Иванчик проанализировал этот своеобразный дискурс, сформулированный через внедрение в экономику и общество рыночных отношений, который возник в Словакии в 1980-х годах. В основу его дискурсивного анализа легла целая лавина публикаций и общественных кампаний, призванных обеспечить должный уровень представлений об экономике в постсоциалистическом обществе для проведения эффективной экономической трансформации.

Этот экспертный дискурс, утверждает Иванчик, не только легитимировал амбициозность и самоуверенность новых предпринимателей, но и представлял людей, готовых рисковать и в зарождающейся рыночной экономике брать на себя инициативу как ключевых акторов, формирующих демократическое общество. Иванчик также подчеркнул устойчивость этого этического дискурса, что делает

5 Заводы могли продавать неиспользуемые запасы сырья кооперативам, которые, как ожидалось, должны были быть более гибкими и эффективными в производстве столь желанных для измученного вечным дефицитом советского человека потребительских товаров.

словацкий пример особенно интересным. Он сохранился вплоть до 1990-х годов, в итоге превратившись в неотъемлемый компонент моральных основ либеральной демократии, и либеральные демократы, а также профессиональные экономисты и социологи, формировавшие его, были главными критиками авторитарного правительства Владимира Мечьера.

Йогиле Улинскайте (Вильнюсский университет, Литва) начала свое выступление, напомнив аудитории, что термин «перестройка» не был особенно популярен в Литве. Ее доклад «*Критика и обоснование: личные истории о посткоммунистических преобразованиях в Литве*» был построен на многочисленных устных интервью с предпринимателями, которые начали свой бизнес в 1980-х – 1990-х годах, а также с теми, кто решил остаться работать в промышленном секторе в Литве 1990-х годов. Интервью проводились в 2021 и 2023 годах в двух промышленных городах страны: Паневежисе и Ионаве. Улинскайте опиралась на теорию «экономии порядков», или «градов», Люка Болтански и Лорана Тевено, разработанную ими в 1991 году в книге «*Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов*»⁶, «чтобы объяснить, как разные люди активно участвуют в социальных дискурсах и проводят социальные границы, чтобы определить легитимность и ценность своих действий и сделанных выборов в профессиональной карьере». Болтански тесно связан с возникновением так называемой социологии морали, а в собственном исследовании Улинскайте работает на стыке социологии культуры и социологии эмоций. Болтански и Тевено выделили шесть «порядков», или «градов»⁷, моделей справедливого общественного устройства (Град благодати и вдохновения, Патриархальный град, Град репутации, Гражданский град, Рыночный град и Научно-технический град). Их совокупность представляет собой универсальный репертуар систематических и связующих принципов, которые люди используют для принятия, оценки и критики принятых решений и сделанных выборов и которые регулируют политические, экономические и социальные отношения, существующие в одном и том же социальном пространстве.

Улинскайте проанализировала конкретные ценности и «экономии порядка», которые ее респонденты из двух разных групп использовали для объяснения своей профессиональной и личной траектории, и объяснила, как эти модальности оценок по-разному используются разными группами. К мелким предпринимателям, проводникам новых экономических и социальных отношений, по-прежнему относились с подозрением и даже пренебрежением, как к группе, деятельность которой необходимо регулировать и контролировать. Напротив, промышленные рабочие, бывшие хребтом советской плановой экономики и пользовавшиеся в советское время значительным социальным престижем, с началом приватизации и введением капиталистических требований к эффективности и производительности труда стали терять и этот престиж, и свое центральное место в экономике. Объясняя или оправдывая особенности своих профессиональных и личных траекторий, респонденты Улинскайте ссылались на ценности трудолюбия, предприимчивости и гибкости, тем самым участвуя в создании культурных конструктов «достижения» / «успеха», «профессиональной и национальной гордости» и «этнической принадлежности». Их личные истории о посткоммунистических преобразованиях в Литве

6 Рус. пер.: Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов / Пер. с фр. О.В. Ковеневой. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

7 В русском переводе книги Болтански и Тевено используется именно этот термин, отсылающий к традиции европейской политической философии, в частности «Граду Божьему» Блаженного Августина.

позволяют отследить сложное взаимодействие различных ценностей прошлого и настоящего.

Второй день семинара открылся секцией «Перестройка как транснациональное событие», которая позволила расширить географические рамки дискуссии, исследуя различные глобальные культурные влияния, проникавшие в то время через Центральную и Восточную Европу и Евразию, и взаимное влияние перестроек по обе стороны Берлинской стены. Важно отметить, что перестройка стала временем разнообразных культурных и профессиональных обменов и встреч между гражданами социалистического лагеря, которые наконец-то смогли более свободно выезжать за границу, и иностранцами — учеными, журналистами, деятелями культуры, активистами и борцами за мир, политиками и обычными туристами.

Кирстен Бенкер (Кельнский университет, Германия) рассказала о популярной в то время практике побратимства городов, отражавшей в период перестройки желания сближения и открытости, которые стали новой внешнеполитической стратегией советского режима. В докладе «Строительство “общего европейского дома”? Побратимские связи между советскими, западно- и восточногерманскими городами во время перестройки» Бенкер исследовала, как контакты с западногерманскими городами (в отличие от побратимских связей с городами других стран Варшавского договора) расшатывали ригидные идеологические рамки, диктовавшие советским людям, как именно им следует вести себя и общаться с представителями «капиталистического мира». Исследование молодежных и культурных обменов, туризма и других практик побратимства городов дает тот самый взгляд на перестройку «снизу» и «извне», показывая, как люди понимали и переживали происходящее на уровне частного опыта и эмоционального впечатления, как они проявляли свою национальную идентичность в меняющихся политических условиях и представляли себе избавляющуюся от « занавесов» и «стен» Европу как общий континент и общий дом.

Доклад *Тетяны Перги* (Национальная академия наук Украины, Киев / Гейдельбергский университет, Германия) «“Внешний фактор”: роль диаспоры в развитии экологического движения в Украине во время перестройки» также описал своеобразную встречу советских и западных граждан. Чернобыльская катастрофа дала мощный импульс развитию экологического движения в Украине, которое охватило интеллигенцию, ученых, экологические группы и неравнодушных граждан. Однако была еще одна важная группа, способствовавшая подъему этого движения, о которой обычно умалчивают научные исследования: украинская диаспора в Северной Америке. Широко распространено мнение, что диаспора в первую очередь интересовалась вопросами, связанными с национально-освободительным движением. Однако в украинском контексте националистическая и экологическая повестки тесно переплетались, поскольку национальная независимость Украины рассматривалась как необходимое условие для решения ее острых экологических проблем и общего «оздоровления». Активисты украинской диаспоры в США, Канаде, Англии и Германии занимались политическим лоббированием, проводили антисоветские демонстрации, требуя от своих правительств и Международного суда ООН в Гааге определить ответственность официальной Москвы за чернобыльскую трагедию. Украинцы диаспоры собирали информацию о катастрофе, организовывали кампании по сбору средств для помощи пострадавшим районам, налаживали контакты между западными врачами и их украинскими коллегами, чтобы отправить в Украину необходимые медикаменты, помочь оборудовать больницы, обменяться опытом лечения последствий облучения и многое другое. Экологические организации украинской диаспоры, в частности торонтские Комитет по вопросам окружающей среды в Украине (1988) и ECOLOS (1989), привлекали западных

ученых и экспертов-экологов к разработке отчетов и рекомендаций по улучшению экологической ситуации в Украине, помогали создавать в стране «зеленые» организации и сыграли решающую роль в их продвижении и успешном нетворкинге на Западе. По приглашению своих коллег из диаспоры украинские экологи могли выезжать в Европу и Северную Америку, где их знакомили с влиятельными политиками, лоббистами, лидерами бизнеса, активистами гражданского общества, знаменитостями и сочувствующими гражданами. В результате таких встреч и обменов, утверждает Перга, многие международные организации смогли открыть свои представительства в Украине и помогли реализовать в стране множество экологических и правозащитных проектов.

Эмма Фридлендер (Гарвардский университет, Кембридж, США) представила часть своей докторской диссертации «Советский нью-эйдж: хронология распада СССР в поп-культуре, 1975–2000». Название ее работы и доклада предполагает гораздо более расширенную хронологию интересующего нас периода, которая охватывает время с 1970-х годов до нового тысячелетия. По мнению Фридлендер, «коллапс» и «распад» — полезные дополнения к словарю терминов перестройки, который нуждается в ревизии и пополнении, но эти понятия, утверждает она, следует понимать не как момент разрыва, а как длительный разнонаправленный и многовекторный процесс.

Фридлендер также привнесла сравнительную перспективу в обсуждение массового увлечения магией и парапротивальными явлениями на излете советской власти, сопоставив кейсы из Латвии, Литвы, Эстонии, Молдовы, Украины и России и шире, вписав советский нью-эйдж в глобальные процессы эпохи постмодерна. Для Фридлендер исследование массовой тяги к парапротивальному и экспериментов с ним стало способом рассказать более нюансированную историю о живом опыте перестройки, уделив особое внимание местным особенностям, а также группам, тесно связанным с этим явлением. В частности, у этой истории есть очевидный гендерный аспект: принято считать, что женщины составляли основную массу советских последователей и поклонников гуру-экстрасенсов вроде Чумака и Кашпировского, которые преимущественно были мужчинами. Этих женщин нещадно высмеивали за их «легковерие» и «невежество».

На более поздних этапах исследования сравнительная транснациональная перспектива и использование антропологической методологии позволяют Фридлендер обнаружить и описать специфически советские элементы в советском увлечении парапротивальным, что не вполне прозвучало в ее докладе. Чем именно отличался советский нью-эйдж от схожих западных явлений или от увлечения парапротивальным, распространенного в странах бывшего соцлагеря, таких как Польша, Чехословакия или Венгрия? Учитывая расширенную хронологию исследования Фридлендер, было бы интересно проследить в ее дальнейшей работе, как советский нью-эйдж сформировал особую чувствительность к «мистическому», «антинаучному», как он повлиял на последующий рост конспирологического мышления в постсоветской России, подготовил почву для распространения финансовых пирамид вроде МММ в 1990-е годы, определил особый извод терапевтической культуры в путинской России, а также сегодняшнее массовое увлечение коучами, «марапонами желаний» в инстаграме⁸ и проч., и способствовал проникновению мистического и конспирологического мышления в политический мейнстрим (Дугин и Ко).

8 Деятельность компании Meta Platforms Inc. по реализации продуктов — социальных сетей Facebook и Instagram признана экстремистской и запрещена на территории РФ Тверским районным судом 22 марта 2022 года.

Следующая панель, «Перестройка вне времени и места», была посвящена размышлению об особых временных и пространственных отношениях, порожденных процессом социальной и экономической реструктуризации. Докладчики на разном географическом материале и с разных перспектив пытались пересмотреть традиционную периодизацию перестройки, выходя за ее номинально установленные границы (1986–1991) и фокусируясь на эмпирических преемственностих и длительных процессах, а не на разрывах и изолированных событиях.

Айзек Скарборо (Лейденский университет, Нидерланды) много лет провел в Таджикистане, исследуя современную центральноазиатскую политику, сельскохозяйственные монокультуры, политическую мобилизацию и постсоветское экономическое развитие в регионе. Его доклад «*Перестройка не закончилась — перестройка продолжается: длинная реформа и распад СССР через советский разлом*» был построен вокруг взаимосвязанных кейсов Таджикистана и России. Скарборо предложил переосмыслить теоретическую концептуализацию перестройки, которая идет вразрез с существующими историческими определениями политических, социальных и экономических изменений. Вместо того чтобы рассматривать перестройку как формально ограниченный период, Скарборо подходит к ней как к прошитому опыту *времени* или, скорее, *потокам опыта*: эпохе перемен, деградации, хаоса и, во многих случаях (включая Таджикистан), в конечном итоге насилия, эпохе, которая для разных (со)обществ началась и закончилась раньше или позже. Используя разнообразные историографические источники (архивы, мемуары, современную периодику и интервью) 1980-х и 1990-х годов, он утверждает, что фундаментальная задача перестройки — реформирование и модернизация советской экономики и государства — оставалась актуальной в Таджикистане на протяжении 2000-х годов, а фундаментальные вопросы внедрения рыночных элементов, социального устройства и формы политического правления все еще остаются нерешенными и амбивалентными.

Тамар Кебурия (Геттингенский университет имени Георга Августа, Германия / Государственный университет Илии, Тбилиси, Грузия) в настоящее время завершает работу над докторской диссертацией по социальной, материальной и трудовой истории советской индустриализации в Грузинской ССР, в центре которой — Зестафонский завод ферросплавов (ЗЗФ), ведущее в стране предприятие по выплавке марганца. В своем докладе «*Доперестроечная динамика на одном грузинском заводе*» она также предложила расширить хронологические границы для понимания позднесоветских преобразований, опрокинув преобладающее восприятие 1970-х и начала 1980-х годов как периода стагнации и застоя. Ее исследование дает более тонкую и нюансированную интерпретацию доперестроечного периода, который заложил основу для социально-экономических сдвигов и трансформаций, последовавших в конце 1980-х годов.

В своей работе Кебурия пользуется определением советской экономики этого периода, предложенным Сергеем Ушакиным — «экономика хранения»⁹, — в противовес традиционному восприятию советской плановой экономики как «экономики дефицита» и описывает чрезмерное накопление запасов, перепроизводство и накопление ненужного сырья, материалов и конечного продукта производства на ЗЗФ.

Город Зестафони, в котором в 1934 году был построен ЗЗФ, изначально задумывался как «город-лаборатория», витрина успеха советской индустриализации.

9 Oushakine S.A. “Against the Cult of Things”: On Soviet Productivism, Storage Economy, and Commodities with No Destination // The Russian Review. 2014. Vol. 73 (2). P. 198–236.

Однако к 1970-м годам изменения в советской политической и экономической повестке, в частности приоритет легкой и химической промышленности над тяжелой, ослабили роль и статус советских заводов-гигантов, таких как градообразующий ЗЗФ, заставив целый ряд связанных с заводом акторов (ученых, управленцев, инженеров, технологов и металлургов) активно искать новые пути реорганизации промышленного производства и разрабатывать новые стратегии для решения проблемы растущего уровня промышленного загрязнения окружающей среды, снижения темпов производства и все более тяжелых условий труда.

В начале 1980-х годов, то есть на пороге «доперестроечного» периода, усилия этих энтузиастов вылились в движение, получившее красноречивое название «Перестраивать», деятельность которого была отражена в архивном документальном фильме 1981 года «Реконструкция». Опираясь на эти съемки, а также на многочисленные устные свидетельства, архивные источники и фотографии, Кебурия анализирует роль промышленных предприятий не только как зеркала более широких экономических и социальных преобразований и нестабильности, но и как пространства экспериментов с личным активизмом и инициативой «изнутри» и «снизу».

Наконец, Изабель Джейкобс (Лондонский университет королевы Марии, Великобритания) и Катерина Павлиди (Университетский колледж Дублина, Ирландия) предложили, пожалуй, самую теоретически тонкую и изощренную попытку проблематизировать позднесоветские представления о времени и особенно о будущем, а также разобраться с традиционными мифологиями, связанными с ними. Их совместно представленный доклад *«Перестройка как возвращение: позднесоветские темпоральности и миф о застое»* представляет собой попытку разработать новый концептуальный инструментарий для описания сложных, нелинейных темпоральностей, которая выросла из исследовательского проекта «Позднесоветские темпоральности», запущенного Джейкобс и Павлиди в 2022 году.

Докладчицы оспорили господствующее представление о годах, предшествовавших перестройке, как времени «застоя», отмеченном широко распространенным среди советских граждан ощущением, что они, подобно мошке в янтаре, застряли внутри неизменной системы и находятся в вечном настоящем (в том самом «это было навсегда» Юрчака). С этим связано не менее распространенное представление о перестройке как о радикальной точке разрыва, давшее толчок резкому ускорению времени. Однако более внимательный взгляд на андеграундные сообщества и интеллектуальную среду 1970—1980-х годов — на художественные высказывания, циркулировавшие через самиздат, фильмы некрореалистов, эссе Бориса Гройса, музыку Валентина Сильвестрова, фото- и киноработы Евгения Юфита, Южинский кружок (или «салон» Юрия Мамлеева) и многое другое — опровергает такие упрощенные представления. Проанализировав этот художественный и интеллектуальный пласт, Джейкобс и Павлиди обнаружили в нем сосуществование или одновременность презентистских и прогрессивных временных режимов и множество способов, с помощью которых андеграундные интеллектуалы и художники переживали, концептуализировали и осмысливали время, историю и различные виды периодизации.

Творческая и интеллектуальная работа этих людей и групп, утверждают Джейкобс и Павлиди, дают новый взгляд на само понятие «изменение», освобожденное от его модернистских оптимистических коннотаций, ориентированных на будущее, которые во время перестройки также стали означать «возвращение к досовременным, религиозным и мистическим в своей основе способам бытия и чувствования». Кроме того, художественные и литературные проекты, разобранные исследовательницами, помогут обогатить наш словарь темпоральностей перестройки (или перестроек) и других временных трансформаций в позднесоветском обществе, до-

бавив в него более нюансированные, чем избитые «застой» и «перемены», термины: «непостоянство», «круговорот», «быстротечность», «пустота», «повторение», «ритуал» и «лиминалность», причем последний — с отсылкой к исследованию Виктора Тернера (1969), в котором он анализировал временную приостановку семиотической активности, приостановку знаков, теряющих свое первичное значение, характерную для фигур в состоянии лиминальности¹⁰.

По мнению Джейкобс и Павлиди, перестройку как исторический период можно понимать и как поворотную точку разрыва, и как «продолжение в *long duree* советских темпоральностей, которые не только предвосхищали, но и формировали характер перемен и концепцию будущего, предложенную перестройкой». Перестройка была и процессом исторической инверсии: подобно оттепели и хрущевским незавершенным попыткам десталинизации, перестройка сулила возвращение к чистому, незапятнанному прошлому, к ранним ленинским революционным идеалам, еще не скомпрометированным последующими «перегибами», то есть преступлениями, если не прятаться за эвфемизмами. А поскольку будущее, обещанное Горбачевым, обреталось в идеализированном прошлом, утверждают Джейкобс и Павлиди, перестройку можно считать мифологическим проектом, «основанном на вневременных и, следовательно, вечных ценностях».

Заключительная секция семинара, «Перестройка сознания», была посвящена исследованию представлений и реакций различных социальных групп на то, что британский антрополог Кэролайн Хамфри в своей одноименной книге назвала «*the unmaking of Soviet life*»¹¹ — «демонтаж советской жизни», переход к свободному рынку, гласности и демократии. Губерт Гужик (Чешский технический университет, Прага) рассказал об опросах общественного мнения, проведенных в Польше и Чехословакии и касающихся массового жилищного строительства, архитектуры и экологии. Основной вопрос его исследования вынесен в заголовок доклада: «Чему историки перестройки могут научиться на материале опросов общественного мнения?». Публикация отдельных результатов опросов, по мнению Гужика, может быть истолкована как намеренная попытка повлиять на общественное мнение. Эти опросы выявили заметную разницу в отношении к реформам со стороны респондентов, занятых в промышленном секторе, «синих воротничков», и управляемцев, технической интеллигенции, то есть «белых воротничков», которую социологи в конце 1980-х годов объяснили большей осведомленностью населения о влиянии политики гласности на сферу культуры по сравнению с политическими и экономическими последствиями политики ускорения.

Кортни Дусет (Университет штата Нью-Йорк, Осуиго, США) представила книгу, над которой сейчас работает, под названием «*Перестройка: последняя попытка создать нового советского человека*». В ней она предлагает рассматривать горбачевский период не как отход от прежних советских практик — этой позиции придерживаются, в частности, Стивен Коткин, Арчи Браун или Стивен Коэн, — а как последнюю, отчаянную попытку реализовать советский идеал «нового человека». Дусет утверждает, что Горбачев и другие реформаторы верили, что новая, модернизационная, демократизирующая стратегия в экономике, политике и социальной сфере наконец-то обеспечит необходимые условия для раскрытия скрытого потенциала каждого советского гражданина и в конечном итоге сделает советское общество самым совершенным коллективом на земле.

10 Turner V. *Liminality and Communitas* // *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. New Brunswick: Aldine Transaction Press, 2008. P. 358–374.

11 Humphrey C. *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies after Socialism*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2002.

Перевернув общепринятую интерпретационную парадигму, которая рассказывает историю перестройки от распада Советского Союза к первым инициативам Горбачева, то есть в обратном порядке, Дусет фокусирует свое повествование не на крупных политических фигурах из окружения Горбачева, а на обычных гражданах. Она предполагает, что популярная практика написания писем, особенно публичных, адресованных редакторам толстых журналов и популярных газет или написанных в ответ на конкретные статьи и публичные дискуссии, — важнейший жанр того периода и недооцененный материал, который позволяет исследовать, как именно рядовые советские граждане усваивали, понимали, приобщались к ключевым понятиям и категориям, вдохновлявшим реформы, одновременно участвуя в политике и выстраивая самих себя как активных граждан.

Итоги семинара были подведены на круглом столе «Как говорить о перестройке сегодня?». Его модератором выступил Брэдли Горски (Джорджтаунский университет, Вашингтон, США). Обсуждение началось с вопроса о том, какие термины оказались важны и полезны для конкретных исследовательских проектов участников, а от каких, по их мнению, необходимо отказаться. Затем разговор перешел к деконструкции стандартных ортодоксий и клише в историографии перестройки, с которыми участники семинара столкнулись в своей работе и которые им пришлось преодолеть, и закончился личными емкими определениями от каждого участника, какой им представляется суть, главная особенность живого, пережитого опыта перестройки.

Для постколониальной/деколониальной исследовательницы Эпп Аннус (Таллинский университет, Эстония / Университет штата Огайо, Колумбус, США), говорившей изнутри эстонского контекста, перестройка была прежде всего моментом деколонизации, ответом на очередную всесоюзную кампанию русификации, начатую в 1978 году, которую эстонцы справедливо воспринимали как экзистенциальную угрозу. Другой важный для Аннус термин — «постмодернизм» с его недоверием к большим идеологическим нарративам и к самой идее прогресса, над которой в тот период открыто смеялись. Также перестройка стала для Эстонии эпохой государственного строительства — это еще одна полезная оптика для нашего разговора. Важные деятели эстонской культуры позиционировали себя как ироничные, постмодернистские фигуры, а некоторые из них вовсе не были убеждены в преимуществах рыночного, капиталистического будущего для своей страны и обсуждали возможные альтернативы. Штефани Айзенхут (Центр современной истории имени Лейбница, Потсдам), исследующая особую «культуру красоты» в ГДР, считает ошибочным понятие «воссоединения» (reunification) — эту идею времен холодной войны о том, что два искусственно разделенных национальных образования, Германия Восточная и Германия Западная, просто вновь соединились воедино. Вместо этого она предпочитает думать о перестройке в ГДР (хотя сам этот термин не использовался в Восточной Германии) как о долгой истории *die Wende*: это немецкий термин, относящийся к периоду после падения Берлинской стены, так называемой мирной революции в ГДР, который можно перевести как «поворотный момент» или «перемена». Для восточных немцев, отмечает она, *die Wende* также стало опытом «переезда» в другую страну без необходимости физического движения или путешествия: люди фактически проснулись в другой стране. Для Юлианы Фюрст (Центр современной истории имени Лейбница, Потсдам, Германия), которая сейчас работает над книгой по истории перестройки как истории эмоций, ключевым термином, конечно, стали «эмоции»: как они были пережиты, опрокинуты, подавлены и вытеснены, какие аффективные сообщества формировались вокруг ощущений гордости, горя, травмы и т.д. Попытка рассказать историю перестройки через эволюцию этих аффективных сообществ позволяет избе-

жать избитых и не слишком полезных категорий вроде «националистов», «демократов», «монархистов», «реваншистов» и т.д., которые организуют добрую часть исследований этого периода. Наконец, Вероника Пехе (Академия наук Чехии, Прага), историк культуры, которая занимается экономической трансформацией Чехословакии и недавно в качестве редактора (в сотрудничестве с Джоанной Вавжиняк) выпустила антологию под названием «Вспоминая неолиберальный поворот: экономические изменения и коллективная память в Восточной Европе после 1989 года»¹², остановила свой выбор на слове «неравенство». Пехе также отметила, что многие личные воспоминания и нарративы о поздних 1980-х и 1990-х, собранные и проанализированные в ее антологии, были сильно заряжены различными эмоциями, не в последнюю очередь потому, что переход к капитализму как системе, основанной на неравенстве, по самой своей сути не мог не вызвать у людей сильную эмоциональную реакцию.

Говоря о проблематичных терминах и историографических условностях, которые исследователи перестройки вынуждены преодолевать, Юлиана Фюрст призналась, что испытывает сильные сомнения относительно терминов «неолиберальный» или «неолиберализм», которые стали настолько негативно заряженными, что часто эксплуатируются апологетиками советской системы. Фюрст также выступила против распространенного представления о перестройке как о провале, неудаче или радикальном разрыве, предложив вместо этого внимательнее присмотреться к более тонким процессам наследования, преемственности, целостности и выхолащиванию прежних идей, социальных норм и форм поведения, которые (пере)изобретались заново по мере их «импорта в будущее». Штефани Айзенхут тоже говорила о необходимости сосредоточиться на преемственности и неразрывности процессов, когда речь идет об истории ГДР. Сегодняшний подъем антидемократических партий в бывшей Восточной Германии, по ее мнению, и заметно отличающееся отношение к российской агрессии против Украины на Востоке, зафиксированное опросами в этой и западной частях страны (и, как выяснилось в начале сентября 2024 года, отраженное в результатах выборов в Тюрингии и Саксонии), свидетельствуют об устойчивости процессов советизации в ГДР на культурном уровне, недостаточно изученных и описанных историками, антропологами и социологами. Айзенхут также проблематизировала термин «трансформация», поскольку он подразумевает фиксированную отправную точку и очевидный конечный результат, в то время как этот период в значительной степени определялся именно открытостью и неопределенностью результата (open-endedness). Более того, по мнению выступающей, *die Wende* – это не только конец чего-то, но и начало. Вероника Пехе поддержала важность исследовательской чувствительности к альтернативным периодизациям, что прослеживалось во многих докладах и дискуссиях в течение двух дней семинара, и добавила, что эти периодизации должны быть достаточно нюансированы, чтобы учитывать не только разные национальные контексты, но и различные социальные группы в разных странах. Например, для промышленных рабочих определяющим моментом периода могла стать приватизация их завода, для военных – вывод войск из Афганистана или стран Варшавского блока, для кого-то еще – провозглашенная политика гласности, освобождение политических заключенных и т.д., словом, события с очень разными эмоциональными коннотациями. Жители стран Балтии, например, как заметила Эпп Аннус, вряд ли могут узнать собственные чувства в описании «выборочной амнезии» и «потере памяти о положительных коллективных эмоциях от пере-

12 Remembering the Neoliberal Turn: Economic Change and Collective Memory in Eastern Europe after 1989 / Ed. by V. Pehe, J. Wawrzyniak. New York: Routledge, 2024.

стройки», с которого начала семинар Виктория Мусвик: для них перестройка стала периодом коллективной эйфории, единения тысяч людей, поющих вместе и держащихся за руки — причем в самом буквальном смысле, как во время Поющей революции (1987—1991) и Балтийского пути (1989).

И наконец, какой была перестройка для тех, кто ее пережил? Какой зрительный образ или идея могли бы выразить этот опыт максимально полно? *Матей Стурны* (Карлов университет, Прага, Чехия) предложил термин «аутентичность», который неоднократно вспыпал на протяжении семинара во многих панельных дискуссиях: столкновение позднесоветской «иронии вненаходимости» и тихого саботажа с внезапным, хотя и недолгим, приходом искренности и идеализма в конце 1980-х, желание наконец соединить означающее и означаемое. Однако тут встает вопрос, который Юлиана Фюрст задала на предыдущей дискуссии, ссылаясь на спорную статью Юрия Слезкина «Смех в темноте», в которой Слезкин утверждал, что советский режим сам себя высмеял до смерти («laughed itself sick and died in stitches», то есть «умер со смеху»)¹³. Куда же исчезла прежняя, «оттепельная» искренность? Неужели к 1986 году все советское *серъезное* было окончательно выхолощено?

Юлиана Фюрст также упомянула о графомании, чтобы описать обильный поток писем в так называемые толстые литературные журналы и газеты, которые слали тысячи советских граждан из всех слоев общества, приученные советской властью писать подобного рода письма и ценившие письменное слово. Пишушие с энтузиазмом включились в обсуждение советского прошлого и делились своими представлениями о характере перемен, свидетелями которых они были. Выходили словари новых терминов на самые разные темы, от перестройки до рыночной экономики, искусства и сексуальности. Люди думали о языке, ценили его и стремились осмысливать, исследовать, описать и структурировать свою новую реальность.

Многие участники семинара говорили о глобализующем аспекте перестройки: массовом приезде в страны Восточной и Центральной Европы иностранцев из западного мира, об облегчении поездок на «Запад» с востока континента, не говоря уже об огромной волне эмиграции из СССР, особенно в Германию, Израиль и США, которая не была отдельно затронута в ходе семинара, но которая, безусловно, иллюстрирует повышенную географическую мобильность, характерную для этого периода. Для миллионов людей по обе стороны «железного занавеса», десятилетиями живущих в страхе от обещаний надвигающегося ядерного апокалипсиса, перестройка была также связана с интенсивным стремлением к миру как на официальном, так и на низовом уровне — это тема исследования участницы проекта «Перестройка снизу» *Ирины Гордеевой* (Центр современной истории имени Лейбница, Потсдам, Германия). *Коринна Кур-Королев* (Центр современной истории имени Лейбница, Потсдам, Германия) говорила о необычайной скорости многочисленных разновекторных процессов, происходивших одновременно, что само по себе делало это время особенным и создавало у современников острое ощущение «проживания внутри исторических событий». Возможно, предположила она, исследователям так непросто сложить многообразие событий в единый нарратив перестройки (хотя у нас и нет задачи предложить только один такой нарратив) именно в силу того, насколько невероятно насыщенным и стремительным был этот короткий период, когда ускорение стало частью самого кризиса. *Келли Смит* (Джорджаунский университет, Вашингтон, США) ввела термин «постоянное изменение» (flux), чтобы напомнить о том, что для одних перестройка означала воз-

13 Slezkine Y. Laughter in the Dark // Ab Imperio. 2023. No. 4. P. 95—100.

можности, которыми некоторые воспользовались, тогда как другие не принимали столь активного участия в событиях и с ним история скорее происходила в пассивном залоге.

И наконец, Брэдли Горски и Джулиана Фюрст предложили два довольно поэтических образа, отражающих суть перестройки: борхесовский «сад расходящихся тропок», некоторыми из которых так никто и не воспользовался, и «свободное падение с приостановленной гравитацией» (free fall with gravity suspended), прекрасно передающее одновременно пугающее, невозможное и невероятно захватывающее время. И на этом семинар завершился.

Ксения Полуэктова-Кример